

Грандиозный финал легендарного цикла паранормального фэнтези «Лихорадка» от Карен Мари Монинг!
Сага, которая принесла автору мировую популярность!
Бестселлер *New York Times*!

Книги Карен Мари Монинг читают и любят фанаты по всему миру. Необычные герои и захватывающий мистический сюжет, тонкая грань между реальностью и фантазией — именно за это романы Монинг удостоены ряда престижных международных премий и наград, среди которых награда RITA и «Книга года» популярного интернет-сервиса для читателей *Goodreads* за лучшее паранормальное фэнтези.

Наш мир — лишь занавес, за которым прячется совершенно иная вселенная. Там властвуют невидимые человеческому глазу Фейри — светлые и темные эльфы. Но все Фейри так или иначе смертельно опасны для человека. А в особенности для тех, кто может их увидеть. И вот теперь древняя стена между человеческим миром и миром Фейри разрушена, ткань Вселенной повреждена. Наша земля на грани исчезновения. Спасение — в давно утерянной Песни творения. Но поиски Песни опасны и непросты. На улицах Дублина идет настоящая война миров, в центре которой — Мак, ее друзья и возлюбленный. Девушке предстоит лицом к лицу встретиться со старыми страхами, древним злом, предательством и всепобеждающей силой любви. Удастся ли Мак избавиться от власти «*Синсар Дабх*» — Книги вечности? И сможет ли она спасти все, что ей дорого, не лишившись собственной жизни?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4190-9

9 786171 241909

КАРЕН МАРИ
МОНИНГ

РОЖДЕННАЯ
ОГНЕМ

КАРЕН МАРИ
МОНИНГ

РОЖДЕННАЯ
ОГНЕМ

KAREN MARIE MONING

FEVERBORN

A Fever Novel

КАРЕН МАРИ МОНИНГ

РОЖДЕННАЯ ОГНЕМ

Роман

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
М77

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Moning K. M. Feverborn : A fever novel / Karen Marie Moning. —
New York : Delacorte Press, 2016. — 512 p.

Перевод с английского *Татьяны Ивановой*

Осторожно, ненормативная лексика!

ISBN 978-617-12-4190-9
ISBN 978-0-3853-4442-5 (англ.)

© Karen Marie Moning, 2016
© Jon Paul, обложка, 2017
© Netiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2018

*На вечную память
об Энтони Рональде Августе Монинге
1935—2015
Покойся с миром, папа
До встречи в воздушном потоке*

Дорогой читатель!

Если для вас это первая книга, выбранная из серии «Лихорадок», то разобраться в предыстории вам поможет путеводитель по «Людам, Местам и Вещам», размещенный в конце.

Если же вы закаленный читатель серии, то этот путеводитель позволит заново ознакомиться с главными событиями и персонажами, вспомнить, когда они впервые появились, что делали, выжили ли, и если нет, то как погибли.

Вы можете начать чтение с путеводителя, знакомясь с миром Фей, или обращаться к нему в процессе чтения, чтобы освежить память. Там же вы найдете несколько фрагментов новой информации, не упоминавшейся ранее. Путеводитель разделяет персонажей по типам, затем переходит к местам, а затем к вещам.

Всех новых поклонников я приглашаю в мир «Лихорадок».

Всех преданных поклонников, которые позволили мне каждый день посвящать любимому делу, я приветствую и радуюсь новой встрече.

Карен

ЧАСТЬ I

Наш разум воспринимает увиденное четырьмя способами. Вещи либо таковы, каковыми кажутся, либо не таковы и таковыми не кажутся, либо таковы, но не кажутся таковыми, либо не таковы, но таковыми кажутся. Истинная задача мудреца в том, чтобы различить истину.

Эпиктет

...затем Та, Что Пришла Первой, даровала Песнь темноте, и Тень промчалась над пропастями, наполнив каждую пустоту жизнью. Галактики и существа возникли из Песни, родились солнца, луны и звезды.

Но Та, Что Пришла Первой, была не бессмертнее солнц, лун и звезд, а потому подарила Песнь первой женщине Истинной Расы, завещав использовать лишь в часы великой нужды, и использовать с величайшей осторожностью, ибо существуют счета и балансы, и цена за неполную Песнь. Она предупредила Избранную, чтобы никогда не терялась мелодия, иначе ее придется собирать заново по далеким уголкам всех галактик.

Конечно же, она была потеряна. Всему свое время теряться.

Книга Дождя

ПРОЛОГ

Дублин, Ирландия

Ночь была дикой, наэлектризованной, штормовой.
Незапланированной.

Как и он.

Неожиданный эпизод в фильме со строгим сценарием.

Плащ развевался за ним, словно черные крылья, когда он шагал по залитой дождем крыше водонапорной башни, когда приседал на краю, оперлся локтями о колени и смотрел вниз, на город.

Молния сверкала золотом и багрянцем, на секунду выхватывая из тьмы темные крыши и мокрое серебро улиц внизу. Янтарем горели уличные фонари, бледные огоньки мерцали в окнах, магия Фей танцевала в воздухе. Туман струился от брусчатки, змеился по улицам, окутывал дома.

И не было в мире места, которое он предпочел бы этому древнему сияющему городу, где современный человек шагал по одним улицам с языческими богами. В прошлом году Дублин превратился из повседневного мегаполиса с привкусом магии в ледяную обитель магии с легким привкусом нормальности. Он трансформировался из процветающего метрополиса, кипящего толпами людей, в беззвучную ледяную оболочку, а затем переродился в нынешнюю жажду жизни, в которой уцелевшие стремились вернуть себе контроль. Дублин стал минным полем, баланс сил постоянно менялся, ключевые

игроки уничтожались без предупреждения. Все было сложно. Каждый шаг, каждое решение — вопрос жизни и смерти. Тем и отличаются интересные времена. Короткие человеческие жизни казались весьма ограниченными. И именно поэтому завораживали. Оттененная смертью, жизнь становилась настойчивой. Насыщенной.

Он знал прошлое. Он видел множество вариантов будущего. Дублин, как и его непредсказуемые обитатели, не придерживался предсказуемых траекторий. Недавние события в этой области он не наблюдал ни в одной из просмотренных вероятностей. Невозможно предсказать, что случится дальше. Вероятности были бесконечны.

И ему это нравилось.

Судьба была ошибочным термином, иллюзией, возведенной и поддерживаемой теми людьми, которым нужно верить, что, когда они теряют контроль над обстоятельствами, в их жизни остается некий великий смысл, какая-то таинственная сила, оправдывающая их страдания.

Ах, горькая правда: Судьба — космический унитаз. И в природе самой вселенной заложено смывать малоподвижные вещи, не сумевшие воспользоваться свободой воли. Стазис был стагнацией. Изменения были скоростью. Судьба — снайпер, предпочитающий неподвижную цель танцующей.

Ему хотелось написать на каждой стене, на каждом здании в городе: ЭТО НЕ СУДЬБА, ЭТО ВАША СОБСТВЕННАЯ ГРЕБАНАЯ ВИНА. Но он знал, что не стоит этого делать. Признать, что не существует такой вещи, как Судьба, означало признать личную ответственность. Бесполезно делать на это ставку.

И все же... время от времени появлялись такие, как он, такие, как этот город, не оправдывающие ничьих

ожиданий, отвечающие за каждое свое действие, при каждой возможности демонстрирующие судьбе средний палец. Те, что не просто существовали.

Они жили. Без страха. Цenia свободу превыше всего. Он понимал это. Слегкой улыбкой он разглядывал лежащий внизу город.

С этой башни он мог видеть все — белые барашки неспокойного моря, черно-серебряную поверхность, оттенявшую громоздкие формы покинутых кораблей и барж, и мелкие суденышки, качавшиеся на штормовых волнах, и белые паруса, хлещущие на холодном ветру.

Слева тянулись крыши — еще одно темное, мокрое от дождя море, скрывающее людей, которые пережили падение древних стен, тысячелетиями ограждавших их от Фей.

Справа, прячась на тихой мощеной улочке за пабами и фешенебельными магазинами, — легко опознаваемое по сияющей прожекторами крыше и огромной заброшенной области города, опустошенной бездонным аппетитом Теней, — находилось некое место, отличающееся искажением пространства, называемое «Книгами и сувенирами Бэрронса». Оно было куда бoльшим, чем казалось.

Где-то внизу, где канавы посылали потоки воды в огромную подземную дренажную систему, пересекающуюся с давно забытыми катакомбами, где Феи ходили по улицам открыто или скрываясь и неоновые вывески рассыпали радугу по брусчатке, находился и предыдущий владелец магазина, если подобным местом действительно кто-то мог владеть, и его безжалостный брат-интриган, и невидимая женщина, которая, как и здание, на которое она заявила права, была чем-то бoльшим, нежели казалась.

Чуть дальше влево, за извилистыми загородными дорогами — на расстоянии часа пути по печальному

запустению и еще часа в окружении пышной растительности Фейри — находилось еще одно древнее место, которым никто никогда не мог владеть, и умнейшая сильная женщина, стремящаяся им командовать.

Бэрронс, Риодан, Мак, Джейда.

Вероятности были потрясающими, бесконечными, и он прекрасно представлял, как они сложатся в дальнейшем, но... эти мгновения непредсказуемы, не записаны в сценарии.

Он запрокинул темноволосую голову и рассмеялся.

Непредсказуемы, как и он сам.

ГЛАВА 1

Это конец света, каким мы его знаем¹.

Благодаря моим родителям, Джеку и Рэйни Лейн, я выросла, веря в правила. Правила не всегда мне нравились, и я нарушала их, если они мне мешали, но они служили надежной опорой, определяли мою жизнь и удерживали — пусть не всегда на правильном пути, но хотя бы со *знанием*, что правильный путь есть и я могу вернуться, если вдруг потеряюсь.

Правила служат своей цели. Когда-то я сказала Ровене, что они как ограда для овец, но она не только удерживает овец на пастбище, где ими могут управлять пастухи. Ограда защищает от безбрежной и пугающей неизвестности. Ночь и вполночь не так страшна, когда ты в центре пушистого стада, толкаешься задом в толпе таких же ворсистых задниц, ничего особо не видишь, чувствуешь себя в безопасности и в основном нормальным.

Без заборов того или иного рода темная ночь становится отчетливо видна. Ты стоишь в ней один. Без правил тебе самому нужно решать, чего ты хочешь и на что готов, чтобы добиться желаемого. Ты должен принять оружие, которое выберешь для собственного выживания.

То, чего мы достигаем в лучшие моменты нашей жизни, мало что говорит о нас самих. Определяют нас и делают теми,

¹ Песня «It's the End of the World as We Know It» группы REM. (*Здесь и далее примеч. переводчика, если не указано иное.*)

кто мы есть, именно худшие моменты. На что вы окажетесь способны, если... скажем...

Застрянете посреди океана на единственном куске дерева, способном выдержать только ваш вес и ни грамма больше, — а рядом будет барахтаться вполне хороший человек, который точно утонет, если ему не помочь.

Вот момент, который определяет, кто вы есть.

Откажетесь от единственной надежды на выживание, чтобы спасти незнакомца? Будет ли для вас важно, что он стар и уже прожил хорошую жизнь, или молод и не имел шанса пожить?

Может, попытаетесь удержаться на доске вдвоем, и это станет причиной двух смертей вместо одной?

Или будете яростно цепляться за свой поплавок с полным осознанием того, что, уплывая, схватившись за дерево, даже не причиняя вреда незнакомцу, совершаете убийство?

И будет ли это для вас убийством?

Вы готовы хладнокровно убить ради спасительного поплавка?

Что будете чувствовать, уплывая? Будете ли оглядываться? Будут ли слезы жечь глаза? Или ощутите себя великим победителем?

Неизбежность смерти — забавный способ проткнуть счастливый сияющий мыльный пузырь нашего мнения о себе. Как и многие другие вещи.

Я живу в мире, где очень мало заборов. В последнее время и те начали здорово шататься.

Мне это не нравилось. Не осталось больше ясных и понятных путей. Лишь окольные, и карты приходилось постоянно обновлять, чтобы избежать МФП, черных дыр, всевозможных монстров, а также тяжелых нравственных колдобин, которыми усеян постапокалиптический мир.

Я смотрю на двустороннее стекло кабинета Риодана, в данный момент настроенное на приватность — пол прозрачен, стены и потолок нет — и на секунду отвлекаюсь на блестя-

щий черный стол за моей спиной, отраженный в затемненном стекле, которое отражается в столе, а тот, в свою очередь, в стекле и так далее, создавая странный эффект бесконечно-го зеркального коридора.

Я стою между столом и стеной, но я невидима для всего мира и для себя.

«Синсар Дабх» по какой-то непонятной причине все еще бескомпромиссно молчит и по-прежнему скрывает меня.

Я склоняю голову, изучая место, на котором должна бы стоять. Никто не смотрит из зеркала в ответ. И это мне странным образом подходит.

Это и есть я: табула раса, пустая скрижаль. Я знаю, что где-то у меня была ручка, но я, похоже, разучилась ею пользоваться. Или, возможно, достаточно повзрослела, чтобы понять: у меня в руках не стирающийся маркер моей юности, следы от которого можно вытереть влажной тряпкой, а большой толстый фломастер: черный, жирный, перманентный.

Дэни. Прекрати убежать. Я хочу лишь поговорить с тобой.

Дэни больше нет. Теперь есть только Джейда. И я не могу переписать нашу драку. Я не могу переписать то, что мы с Бэрронсом передвинули те зеркала. Я не могу изменить выбор Дэни, который завел ее в место, слишком опасное для погони. Я не могу отменить жуткое детство, которое раскололо ее — с ним, чтобы выжить, она справилась умно и креативно. Больше всего я жалею, что не могу стереть именно его.

Я чувствую себя парализованной — есть множество способов совершить ошибку. Я очень хорошо знакома с эффектом бабочки¹ и знаю, что мельчайшее, самое безобидное движение может спровоцировать невероятную катастрофу.

¹ Термин «эффект бабочки» означает свойство, которым наделены некоторые хаотические системы. Даже маленькие изменения в системе могут привести к большим и непредсказуемым результатам в других местах и в другом времени. (*Примеч. ред.*)

С болью наблюдаю результат моей попытки поговорить с Дэни. Пять с половиной лет ее жизни пропали, оставив вместо живой, веселой, эмоциональной и неудержимой Меги бесстрастную убийцу.

В последнее время я кое-как утешалась мыслью, что Иерихон Бэрронс и его люди опережают в развитии человечество, что они нашли кодекс, по которому можно жить и получать удовольствие, не причиняя миру непоправимого вреда. Как и у меня, у каждого из них есть внутреннее чудовище, которое сдерживает некий набор правил, позволяющий обуздать их дикую природу.

В основном.

Ну, большей частью.

Я говорила себе, что тоже могу выбрать кодекс и придерживаться его, что могу ориентироваться на их модель поведения. Я фыркнула: черный юмор. Да, ориентиры, которые были важны год назад, и те, к которым иду сейчас, уж точно полярно противоположны.

Я взглянула вверх, на монитор, показывающий почти скрытую во тьме каменную комнату и Бэрронса с Риоданом на краю этой тьмы, наблюдающих за фигурой в тенях.

Я задержала дыхание, ожидая, пока фигура снова выберется на слабый свет, разгоняющий общий мрак. Я хотела взглянуть еще раз, тщательнее рассмотреть его, убедиться, что первое подозрение оказалось правдой.

Когда силуэт содрогнулся и поднялся на ноги, дико размахивая руками, словно отбиваясь от невидимых противников, Бэрронс и Риодан оживились и перетекли в боевые стойки.

Фигура вырвалась из теней, целясь в горло Риодана огромными когтистыми руками. Она пошла волнами, начала меняться, словно пытаясь и не находя сил сохранить форму, — трансформировалась у меня на глазах. В сумерках золотые радужки глаз стали алыми, затем цвета запятнанного кровью золота, затем вновь алыми. Длинные темные волосы упали на гладкий лоб, который внезапно пошел рябью и отрастил

выступающий гребень. В тусклом свете сверкнули черные клыки, стали белыми зубами, затем снова приобрели форму клыков.

Я достаточно наблюдала за трансформацией, чтобы опознать. Девятка больше не сможет называться Девяткой.

Теперь их десять.

Бэрронс блокировал горца, прежде чем тот дотянулся до Риодана, и внезапно все трое стали размазанными полосами движения — как Дэни, когда стоп-кадрирует, только быстрее.

«Сделай меня такой, как ты», — сказала я недавно Бэрронсу. Хотя, по правде говоря, я сомневалась, что смогла бы так жить. По крайней мере, пока я в нынешнем состоянии, пока во мне обитает вещь, приводящая меня в ужас.

«Никогда не проси меня об этом», — прорычал он. И его напряженный ответ сказал мне о многом, подтвердил, что он мог бы, если бы захотел. Благодаря нашему с ним беззвучному виду коммуникации я знала, что Бэрронсу не только противна сама идея, он говорит об одном из нерушимых правил. Когда-то он нашел меня в подземном гроте на грани смерти и, подозреваю, уже тогда обдумывал эту идею. Возможно, во второй раз он задумался, когда его сын вырвал мне горло. И был благодарен за то, что ему не пришлось выбирать.

Риодан, однако, *сделал* выбор. И не ради женщины, не ради всепоглощающей страсти — той самой, что заставила Короля Невидимых породить темный двор, — но по причине, которая мне непонятна. Ради горца, которого он едва знал. Владелец «Честерса» снова стал загадкой. Зачем он так поступил? Дэйгис умер или находился на грани смерти — его пронзила спицей Алая Карга, он был разбит о скалу и искалечен после падения в жуткую пропасть.

Люди умирают.

Риодану на это совершенно наплевать.

Бэрронс пришел в ярость. Мне не нужен звук — хоть я бы от него и не отказалась, — чтобы знать, что в груди Бэрронса,

стоящего в той каменной комнате, рокошет нечто доисторическое. Ноздри раздулись, глаза прищурились, зубы сверкают в оскале, и он произносит слова, которых я не могу слышать, словно пытается подчинить горца, не прибегая к убийству. И это, подозреваю, скорее техника контролируемого ущерба, чем доброта, потому что, если Дэйгис умрет, он вернется в том же месте, где возрождаются остальные. Но тогда им придется возвращать его, и это не просто заноза в заднице, а установленный факт: десятый человек узнает, где находится таинственное местечко — что неведомо даже мне.

Я нахмурилась. Хотя, возможно, мои предположения трещат по швам. Может, они возрождаются там, где *лично* погибли в первый раз, и Дэйгис окажется где-то в немецких горах.

Неважно.

Как и Бэрронс, я была в бешенстве.

Если Риодан безнаказанно нарушил правила, как мне выяснить, где проводить собственные границы? И чего стоят эти границы, если их можно вот так запросто, под настроение, переступить?

Дрянные у меня ролевые модели.

Я обошла стол и присела на край Риоданова кресла, глядя вверх, на плоские экраны, расположенные по периметру противоположной стены, и жалея, что не умею читать по губам.

Дэйгис конвульсивно дернулся, упал на пол и забился в судорогах — в яростной битве за контроль над их общим телом зверь пытался прорваться наружу сквозь сковывающую его кожу. От меня не укрылось, что мы с Дэни ведем такую же войну — она против Джейды, я против Книги. Возможно, то же самое случается с людьми, побывавшими на передовой во время войны, — с теми, кто, как говорила Дэни, жил на полную: рано или поздно их тоже захватывает тот или иной демон. Я видела немало ветеранов еще дома, в Джорджии, и в их глазах наблюдала то же, что в последнее время замечала в своих. Неужели подобное неизбежно случается со всеми, кто слишком долго ходит в темной ночи без оград?

Возможно, это цена за то, чтобы не быть овцой. Возможно, именно поэтому в мире остаются глупые овцы.

Вероятно, в итоге они не так уж и глупы.

Хотя то, что произошло со мной, случилось еще до моего рождения. Не то чтобы у меня имелся какой-то выбор. Психопаты тоже рождаются каждый день. Возможно, внутренние демоны всего лишь случайным образом выдаются нам при сдаче карт. Мне выпал еще и Бэрронс, лучшая дикая карта из всех, которые женщина может держать в руке. Насколько его вообще возможно держать.

После того, что показалось мне бесконечным заклятием болезненной трансформации, Дэйгис заползает обратно во тьму, взбирается на каменную плиту и, сильно дрожа, укладывается там.

Я размышляю, что же с ним происходит. После первой трансформации в существ, каковыми они на самом деле являются, все из Девятки, как и вампиры, оказываются во власти бездумной жажды крови? Не знаю, способен ли он думать или его тело проходит настолько травмирующие перемены, что он, как и я, стал чистым листом. Интересно, как они собираются объяснить происходящее другим МакКелтарам и жене Дэйгиса. Впрочем, я понимаю, что они, очевидно, не собираются этого делать, поскольку отправили клан горцев домой, выдав для похорон чье-то другое тело.

Вот незадача! Я не вижу способа обратить ситуацию во благо. Разве что для Хло, если она когда-нибудь сможет воссоединиться с мужем. У меня нет проблем с внутренним зверем Бэрронса. По правде говоря, чем больше я его наблюдаю, тем больше он мне нравится. На данный момент даже больше, чем человек, поскольку человек не пришел ко мне, когда вернулся, хоть теперь я и понимаю, почему.

Дверь кабинета открывается, и на пороге вдруг возникает Лор. Я бросаю взгляд на себя, чтобы убедиться, что кресло, на котором я сижу, все еще видимо. Проглатываю облегченный вздох. Как выяснилось, оно достаточно надежно и не

исчезает от соприкосновения со мной. Я аккуратно поднимаюсь — так медленно, что мышцы ног начинают гореть, — чтобы не скрипнуть, не зашуршать, ничем не выдать своего присутствия. Затем ухожу в сторону и отступаю спиной к стене.

До меня с запозданием доходит, что две ранее скрытые панели Риоданова стола остались на виду, а мониторы, показывавшие публичные части клуба, теперь демонстрируют то, о чем Лор мог и не знать. «Скрытные» — слишком мягкая характеристика Риодана и Бэрронса. Им скорее подходит общая фамилия «Не-суй-нос-в-мои-великие-дела». Я понятия не имею, рассказали ли они Лору о моей нынешней невидимости, но, если нет, я не собираюсь себя выдавать.

Лор оглянулся через плечо, проверил коридор, чтобы убедиться в отсутствии зрителей, и быстро вошел в кабинет, закрыв за собой дверь.

Я вскинула бровь, размышляя, что он собрался делать.

Он направился напрямик к столу, но, увидев выдвинутую панель, резко остановился.

— Какого черта, босс? — пробормотал он.

Он зашагал к креслу и снова замер, заметив, что панель с обратной стороны стола тоже открыта.

— Боже, что-то ты становишься рассеянным. Какой черт унес тебя отсюда так быстро, что ты ничего за собой не закрыл?

Что ж, его предположение мне на пользу.

Покачав головой, Лор рухнул в кресло Риодана и выдвинул скрытую панель дальше, чем я считала возможным. Вслед за клавиатурой выдвинулись два маленьких пульта дистанционного управления. Я аккуратно подалась ближе, заглядывая ему через плечо, и тут же резко отдернулась — Лор откинул спинку кресла, разлегся, забросив ноги на стол, и улыбнулся волчьей улыбкой. Он начал возиться с пультом, похоже, не замечая, что мониторы, которые он собрался включить, уже работают.

Я снова осторожно подалась вперед.

Лор нажал на обратную перемотку, подержал пару секунд, нажал на воспроизведение и уставился в монитор. Десять минут назад я наблюдала на том же экране, как они с Джо занимаются сексом.

Он что, издевается? Пришел сюда любоваться собственным сексом с Джо? Ох уж эти мужики!

Я отказалась смотреть повтор. Мне хватило и первого раза. Я закрыла глаза, ожидая, когда он заметит, что происходит на соседних мониторах. Много времени не понадобилось.

— Это еще что? — спросил он почти полусшепотом. Я услышала, как что-то ломается, на пол посыпались обломки пластика.

Ага. Он совершенно точно был не в курсе.

— Твою мать! — рявкнул он коротко и отрывисто. И миг спустя прорычал: — Твою мать.

Помолчал секунду и снова произнес:

— Ох, твою мать, твою мать.

Лора, похоже, заело на любимом ругательстве. И неудивительно.

Я открыла глаза. Он стоял за столом прямой, как струна, расставив ноги, скрестив руки на груди, с бугрящимися мышцами, звенящий от напряжения. Раздавленный пульт валялся рядом с ним на полу.

— Мудак гребаный, ты окончательно долбанулся? С оставшихся катушек на хрен слетел?

Вот и я размышляла о том же.

— Мы такого не делаем. Это, мать твою, первое гребаное правило нашего гребаного существования. Даже тебе это не сойдет с рук, босс!

Подтверждение того, что у них есть правила, меня странным образом обнадеживало и в то же время сбивало с толку. Меньше всего нашему миру нужны дополнительные проблемы в виде Девятки, внутри которой идет вражда. Точнее, теперь уже Десятки.

— Гребаныйохреневшиймудит! Твоюжегребанутуюмать!

Да, это Лор. Немногословный парень.

Он схватил второй пульт, нажал кнопку, и кабинет заполнили хриплые стоны. Горец на каменной плите от боли свернулся в тугой клубок. Я взглянула на Бэрронса и Риодана, которые в мертвой тишине наблюдали за ним. По всей видимости, их спор закончился. Как только у нас появился звук, они тут же перестали разговаривать.

Мой взгляд задержался на Бэрронсе — диком, элегантном, деспотичном, невероятно сдержанном. Я узнала его рубашку с открытым горлом и закатанными рукавами. И серые брюки — настолько темные, что казались почти черными. И черные с серебром ботинки. В последний раз я видела его выпотрошенным на гребаном утесе (я, Бэрронс и скалистые утесы — доказанный рецепт катастрофы), и его одежда была порванной и окровавленной. Значит, в определенный момент он заглянул в свое логово за книжным магазином, чтобы переодеться.

Сегодня, после моего ухода? Или несколько дней назад, когда я металась на диване в тревожном сне? Он проходил через магазин? Как давно вернулся? Он очень остро чувствует. Он знает, что я невидима. Если бы он удосужился обойти магазин, пока я спала, то увидел бы слегка продавленный подо мной диван. Он хотя бы попытался меня найти?

— Ты, твою мать, его обратил, — прорычал Лор. — Что в нем такого, до чертовой матери особенного? А меня ты убил только за то, что я взял маленький отпуск и трахнул Джо!

Лор фыркнул.

— Нет, мужик, точно будет трибунал. Ты должен был дать ему умереть. Ты, мать твою, знаешь, что будет дальше!

Что за трибунал? Я знаю, что означает слово, но не могу представить, кто бы мог служить судом и карателями для Девятки. Значит ли это, что в прошлом они уже обращали людей? И если да, то какое последовало наказание? Ведь их же невозможно убить. По крайней мере до недавних пор было невозможно — пока не появился К'Врак, древний охот-

ник из черного льда, чей смертельный удар даровал сыну Бэрронса долгожданный покой. Так что, они найдут его и попытаются заставить убить Дэйгиса? Или надеются, что я смогу приманить к ним огромного смертоносного Охотника? И Дэйгис избежал одной смерти лишь для того, чтобы испытать другую, более полную, уничтожающую саму душу?

Бэрронс заговорил, и я вздрогнула. Я люблю его голос. Глубокий, с неуловимым акцентом, до чертиков сексуальный. Когда он говорит, все мелкие мышцы моего тела переключаются на более низкую, более напряженную, более агрессивную передачу. Я все время его хочу. Даже когда злюсь на него. В некотором извращенном смысле — особенно когда злюсь.

— Ты нарушил наш кодекс. Ты создал необоснованную уязвимость, — прорычал Бэрронс.

Риодан покосился на него, но ничего не сказал.

— Прежде всего и превыше всего он будет верен своему клану. Не нам.

— Спорно.

— Наши секреты. Теперь его. Он будет говорить.

— Спорно.

— Он Келтар. Они *хорошие*. Чемпионы неудачников. Сражаются ради общего блага. Словно подобная хрень существует.

Риодан слабо улыбнулся.

— «Хорошесть» больше не входит в число его дефектов.

— Ты знаешь, что сделает трибунал.

— Не будет никакого трибунала. Мы сохраним это в тайне.

— Ты не сможешь прятать его вечно. Он не согласится постоянно скрываться. У него жена и ребенок.

— Он смирится.

— Он горец. Клан для него — все. Он никогда не смирится.

— Смирится.

Бэрронс усмехнулся:

— Повторение ошибочных утверждений...

— Пошел ты.

— И, поскольку он не покорится, ты знаешь, что они с ним сделают. То, что мы делали с остальными.

Сколькими «остальными»? И что они делали?

— И все же у тебя есть Мак, — сказал Риодан.

— Я не обращал Мак.

— Только потому, что тебе не пришлось. Кто-то другой продлил ей жизнь, что сыграло тебе на руку. Возможно, наш кодекс ошибается.

— У нашего кодекса есть основания.

— Слышать это от тебя особенно забавно. Ты сам говорил: «Сейчас все изменилось. Мы эволюционируем. И наш кодекс тоже». Так что законы либо есть, либо нет. А если есть, то будут и прецеденты — так устроена вселенная.

— Так вот чего ты хочешь? Устроить новый прецедент? Не выйдет. Не сейчас. Ты хочешь обратить Дэни, предполагая, что она снова станет Дэни.

— Никто, мать твою, не обратит мою малышку, — мрачно пробормотал Лор.

— Ты взялся за горца как за пробное дело, — сказал Бэрронс.

Риодан ничего не сказал.

— Кас не говорит. Бывший и в хорошие дни наполовину безумен, а в плохие — наглухо долбанутый. А ты от этого устал. Ты хочешь вернуть семью. Снова собрать фулл-хаус¹, как в прежние времена.

— Ты настолько, мать твою, близорукий, что не видишь дальше конца собственного хрена, — взвился Риодан.

— Который не так уж близко.

— Ты не понимаешь, к чему идет.

Бэрронс склонил голову, ожидая ответа.

— Ты думал, что случится, если мы не найдем способ остановить рост тех дыр, которые оставил Король Белого Инея?

— «Честерс» будет проглочен. Части мира исчезнут.

¹ Full house означает аншлаг, полный сбор, полный состав. (Примеч. ред.)

— Или весь.

— Мы остановим.

— А если не сможем?

— Двинемся дальше.

— Мелочь говорит, — в голосе Риодана читалось такое отвращение, что я сразу поняла: речь идет о Танцоре, а не о Дэни, — что они практически идентичны черным дырам. В худшем случае — поглощающие объекты без следа. В лучшем — из них невозможно вырваться. Когда мы умираем, — он с нажимом выговаривает каждое слово, — мы возвращаемся в этот мир. Если он перестанет существовать или окажется внутри черной дыры...

Он не удосужился закончить предложение. Не было необходимости.

Лор вытаращился на монитор.

— Твою мать, босс.

— Я тот, кто всегда планирует наперед, — вещал Риодан. — Я делаю все необходимое, чтобы защитить нас, гарантировать непрерывность нашего существования, пока вы, мудачки, живете так, словно будущее вам гарантировано.

— Ах, — насмешливо протянул Бэрронс. — Король начал уставать от короны.

— От короны — никогда. Разве что от подданных.

— Ну и как это связано с горцем? — нетерпеливо уточнил Бэрронс.

Да, он буквально озвучил мои мысли.

— Он друид из шестнадцатого века, одержимый первыми тринадцатью друидами, которых обучали Феи, — Драгарами.

— Я слышал, что он избавился от своей маленькой проблемы, — сказал Бэрронс.

— А я слышал иное от некоего ходячего детектора лжи, который заявил Мак, что его дядюшка так и не смог окончательно их изгнать.

Я мрачно нахмурилась и начала потирать пальцами лоб, пытаюсь активизировать память и вытащить из нее инфор-

мацию, где именно я находилась, когда Кристиан мне об этом сказал. И были ли рядом проклятые тараканы? В том-то и беда с тараканами: они такие маленькие, что могут скрываться практически в любой щелочке и подслушивать, оставаясь невидимыми.

— Ты знаешь, о чем Кристиан и Мак говорили в твое отсутствие? — тихо спросил Бэрронс.

Риодан не ответил.

— Если я хоть раз увижу тараканов в моем магазине... — Бэрронс не закончил фразу.

— Тараканы? — пробормотал Лор. — Что он вообще несет?

— Светлая королева пропала, — сказал Риодан. — Темным насрать на этот мир. Они, в отличие от нас, не привязаны к планете. Мир уничтожает магия Фей. И она же может стать единственным, что нас спасет. Горец не должен был погибнуть на той горе. Это не входило в мои планы. Не знаю, как ты, а я не хочу трахаться с черной дырой.

Мое воображение тут же выдало картинку.

— Я тоже, — тихо добавил Лор. — Я предпочитаю дыры розовые и поменьше. *Гораздо* меньше. Офигенно тугие.

Я закатила глаза.

Риодан продолжал:

— Это может стать концом для всех нас.

Концом Девятки? В глубине души я всегда была уверена, что, если в этом мире станет совсем уж плохо, я просто схвачу всех, кого люблю и кого смогу, и мы отправимся через Зеркала на другую планету. Колонизировать, начинать заново. К несчастью, я продолжала ошибочно думать, что «совсем уж плохо» может стать в мире, а опасная планета, на которой возрождается Девятка, продолжит существовать и все сумеют с нее вернуться. Мне не приходило в голову, что может настать время, когда и планеты больше не будет. Я знала, что черные дыры — серьезная проблема, но не понимала в полной мере, насколько маленькие разрывы в ткани нашего мироздания

действительно важны и на что способны в долгосрочной перспективе. Я проглядела вероятность того, что Девятка может возродиться на Земле.

И если Земли вдруг не станет...

— Мы должны починить гребаные дыры, — неистовствовал у монитора Лор.

И я решительно закивала, соглашаясь.

— Твой план? — спросил Бэрронс.

— Мы скроем его существование, — отрезал Риодан. — Мы проведем его через перемену. Соберем лучшие умы и решим проблему. А когда задача будет выполнена, трибунал может делать что хочет, хрен с ним. Например, наградить меня медалью и дать свободу действий, которой я и заслуживаю.

— Джейда, — произнес Бэрронс.

— И пацан, поскольку он знает физику, которая хоть и не работает, как раньше, но может пригодиться для понимания того, с чем мы имеем дело. Мак. У нее гребаная Книга. С ней и с горцем у нас будет больше Фейского знания, чем у самих Фей.

«Но я не умею ее читать», — хотела возразить я. Так что с нее толку?

Я снова вздрогнула, на этот раз испугавшись по-настоящему. Осознание было внезапным и совершенно четким.

Они захотят, чтобы я это сделала.

— Твою мать, — Лор вернулся к односложной оценке жизни, мира и всего остального.

«Твою мать», — молча согласилась с ним я.

ГЛАВА 2

Времена года не боятся Смерти...¹

Инвернесс, Шотландия, высоко над озером Лох-Несс. Когда-то Кристиан был уверен, что сможет вернуться сюда лишь в полубезумных мечтах. Сегодняшний вечер стал безумием иного рода.

Сегодня под серо-багряным небом он будет хоронить того, кто пожертвовал жизнью ради его спасения.

Весь клан Келтаров собрался на просторном кладбище за разрушенной башней у могилы Зеленой Леди, чтобы в священном ритуале друидов вернуть останки Дэйгиса МакКелтара земле и отпустить его душу для новой жизни. Их вера была основана на учении о реинкарнации.

От надвигающейся грозы воздух был тяжелым и влажным. В нескольких милях к западу ударила молния, на миг осветив скалистые утесы и поросшие травой долины его родины. Горы казались еще прекраснее тех, которые он тщательно выстраивал из воспоминаний, когда был прикован к склону, умирая снова и снова. Пока он висел там, долгий период смертоносного льда успел миновать. Цвел вереск, на деревьях шелестели листья.

Он переступил с ноги на ногу, смещая вес, чтобы облегчить болезненное давление на пах, и мох мягко поддался под сапогами. Некоторые части его тела все еще не исцелились. Его много раз выпотрошили, не позволяя как следует регенери-

¹ Песня «Don't Fear the Reaper» группы *Blue Oyster Cult*.

ровать. Внутренности едва успевали отрасти заново, когда та стерва снова вцеплялась в них.

— Тело готово, милорд.

Кристофер и Драстен кивнули, а рядом, упав в объятия Гвен, рыдала Хло. Кристиан с изумлением осознал, что тоже кивнул. При слове «милорд» все мужчины Келтаров, как и некоторые женщины, кивали автоматически. Их клан составляли только лэрды, холопов не было.

Ему казалось, что прошел целый век с тех пор, как он ходил по этим холмам и долинам, наслаждаясь жизнью, корпел над исследованиями в университете и куда более личной задачей в Дублине: попытками выследить непредсказуемого и опасного владельца «Книг и сувениров Бэрронса», охотясь одновременно с ним за Книгой темнейшей магии. Но это было до того, как Договор, хранимый Келтарами с рассвета времен, оказался нарушен, стены между мирами людей и Фей пали, а сам он стал одним из Темных.

— Возложите тело на костер, — приказал Драстен.

Рыдания Хло превратились в тихие всхлипы, а затем в дикий душераздирающий скулеж, который вспорол Кристиана изнутри не хуже, чем спица Алой Карги. Дэйгис и Хло прошли невозможное, чтобы быть вместе, — но все закончилось бессмысленной смертью Дэйгиса на скале. И вина целиком и полностью лежала на Кристиане. Он не понимал, как Хло еще может смотреть на него.

Хотя... она не смотрела. Она ни разу не взглянула на него с тех пор, как его привезли домой. Мертвый взгляд ее заплаканных глаз постоянно скользил мимо. Он не знал, отчего: оттого, что он стал причиной смерти ее мужа и она ненавидела его, или потому что он больше не выглядел юношей, которого она знала, — он выглядел худшим из темных Фей. Он знал, что на него тяжело смотреть. Хоть мутация, похоже, остановилась, он остался с длинными черными волосами, странно неподвижными татуировками и, чтобы мало не показалось, с крыльями — проклятыми крыльями, как вообще

можно жить с этой штуковиной на спине? Но было нечто в его глазах, чего даже он не мог не заметить. Словно холодная звездная бесконечность. Никто не мог выдержать его взгляда, никто не поднимал на него глаза, даже родные мать и отец. Сестра Колин — единственная, с кем он перемолвился больше чем парой слов с тех самых пор, как вернулся.

То, что осталось от тела Дэйгиса, располагалось на носилках из дерева.

Они будут читать заклятья и распылять необходимые элементы, а затем сожгут труп, освободив его душу для перерождения. По окончании церемонии прах отправится в могилу смешиваться с землей и искать новую жизнь.

Он зашагал вперед, спеша присоединиться к остальным. Пришлось приподнять плечи, чтобы кончики крыльев не тащились по земле. Он задолбался их чистить. Несмотря на то что он скрывал крылья от посторонних взглядов фейскими чарами, если только не желал продемонстрировать свою мощь, сам он видел их постоянно и предпочитал разгуливать без сосновых иголок и веточек можжевельника, налипших на гребаные перья.

Перья. Черт возьми, вот уж на что он не рассчитывал, планируя свое будущее. Как курица драная.

Клан печально окружил погребальный костер. Кристиан не собирался приходить сюда и уж тем более участвовать в церемонии, но Драстен настоял. *В первую очередь ты Келтар, парень, и это превыше всего. Твое место здесь.* Он, похоже, забыл, что Кристиан — ходячий детектор лжи, поэтому за секунду распознал, что на самом деле Драстен не хочет к нему приближаться. Впрочем, в последнее время он и сам не терпел никакого общества, даже собственной жены, Гвен. Он хотел раствориться в горах и в одиночестве оплакать своего дядю.

Когда-то Кристиан был невероятным спорщиком. Теперь он даже разговаривал мало, только в случае крайней необходимости. Так проще. Началось чтение заклятия, и благослов-

ленные масло, вода, металл и дерево расположились с четырех сторон: на востоке, западе, севере и юге — а ветер яростно завыл в скалистых каньонах и распадках. В небе, по которому мчались мрачные тучи, загрохотал гром. Трава пошла рябью, словно по ней маршировала невидимая армия.

«Смотри, слушай, чувствуй», — словно шептала ему исклестанная грозой трава.

Вдалеке, за долиной, дождь превратился в проливной ливень и быстро двинулся к костру, словно огромный серый занавес. Молния буквально взорвалась над самым костром, заставив всех вздрогнуть, и по ночному небу с электрическим треском раскинулась алая паутина. В воздухе резко запахло серой.

Что-то пошло не так. Что-то неправильно.

Могущественные слова церемонии погребения верховного друида, похоже, вызывали ярость стихий. А должны были смягчить природу, подготовить землю к принятию тела, но не раздражать ее.

Возможно ли, чтобы Горы отвергали присутствие Темного принца на церемонии друидов? Но разве кровь Келтаров в его жилах не определяла его бытие частью родной Шотландии?

Кристиан продолжил читать заклинания, контролируя себя, чтобы не выделяться из хора других голосов, а небо кипело все сильнее, ночь становилась все темнее. Он рассматривал собравшихся членов клана. Мужчины, женщины, дети — все присутствующие имели право здесь находиться. Элементы погребения подобраны с предельной точностью и аккуратностью. Они использовались из поколения в поколение. Костер сложен как должно, все руны вырезаны где положено, древесина старая — высушенные рябина и дуб. Время тоже подобрано правильно.

Оставалась лишь одна возможная переменная.

Он прищурился, изучая останки Дэйгиса. И продолжал всматриваться еще несколько минут после того, как закончилось чтение последнего заклятия.

— Ты должна отпустить его, Хло, милая, — сказал Драстен, — прежде чем гроза помешает нам.

Кристиан слышал, как чуть раньше этим вечером Драстен говорил Хло: «Он всегда верил, что из нас двоих он был паршивой овцой. Хотя на самом деле именно он отдал свою жизнь ради спасения других, и не один раз, а дважды. Он был лучшим, милая. Лучшим из нас».

Хло дернулась вперед, сжимая факел из обвитой омелой рябины, его пламя дико металось на ветру.

— Подождите, — закричал Кристиан.

— Что случилось, парень? — испугался Драстен.

Хло остановилась, не глядя ни на кого из них, — факел дрожал в ее руках. Жизнь словно покинула ее, оставив лишь оболочку, которая совершенно не желала продолжать дышать. Она выглядела так, словно хотела присоединиться в пламени к мужу. Боже, неужели больше никто этого не видит? Как они могут вообще подпускать ее к костру? Он чувствовал вкус Смерти в воздухе, слышал, как Смерть зовет Хло, манит ее поцелуем возлюбленного, надев маску покойного мужа.

Он протиснулся к костру, чтобы коснуться дерева, на котором были разложены части тела. Когда-то живое дерево теперь было мертво, и Смерть говорила с ним, как ничто живое никогда уже не заговорит. Это его новый родной язык: речь мертвых и умирающих. Закрыв глаза, он заглянул внутрь себя, в чуждый и нежеланный ландшафт. Он знал, что он такое. И с событиями сегодняшней ночи у него особая связь.

Темных принцев было четверо, и у каждого — своя специальность: Война, Мор, Глад и Смерть. Он — Смерть. И Фея. Это означало более тонкую настройку, более глубокую связь со стихиями, чем кто-либо из друидов когда-либо мог развить. Если он ослаблял контроль, его настроение могло влиять на природу. Однако причиной сегодняшней грозы был не он. Нечто иное.

И присутствовал лишь один компонент, происхождение которого можно поставить под сомнение.

Никто, кроме Келтара, напрямую происходящего от пра-родителей, не мог быть похоронен посредством высокой церемонии на священной земле друидов. В кладбище вплетена надежная система защиты — от древесины священных, тщательно культивированных деревьев, которые там растут, до древних артефактов, крови и барьеров, похороненных в грунте. Эта земля отторгла бы чужака. Возможно, сама Природа сопротивлялась погребению.

Возможно, все дело в Драгарах, оставшихся в Дэйгисе? Он стал чем-то чуждым?

Кристиан еще в детстве слышал правду, скрытую за ложью. Вначале Дэйгис сказал Хло и остальным членам клана, что Светлая королева извлекла из него души Драгаров и стерла их воспоминания из его сознания. Чуть позже, чтобы помочь Адаму Блэку, Дэйгис вынужден был сказать правду — по крайней мере часть ее — и признаться, что сохранил их воспоминания и может использовать заклятия, но продолжал настаивать, что больше не одержим живыми сознаниями тринадцати древних колдунов.

Кристиан так и не смог выяснить до конца, сколько же жадных до власти друидов все еще обитают в дяде. Дэйгис был гордым и очень скрытным. Иногда Кристиан верил ему. Иногда — наблюдая за ним, когда тот считал, что его никто не видит, — убеждался, что одержимость Дэйгиса так и не прошла. В те несколько раз, когда он пытался задавать вопросы, Дэйгис уходил молча, не оставляя ему возможности прочитать правду в словах. Что типично для его клана. Те, кто знал об особом «таланте» Кристиана, предпочитали помалкивать в его присутствии, даже его собственные родители. Это обернулось одиноким детством и отрочеством, полным секретов, которые никто не хотел слышать, потому что он не мог смириться со странностью чужих поступков, когда истина мотивов была очевидна.

Он смотрел на останки Дэйгиса, набрасывая сеть вероятностей, учитывая все и не отказываясь ни от чего.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I	9
Часть II	145
Часть III	237
Часть IV	373
Благодарности	409
Приложение	411

Літературно-художнє видання

МОНІНГ Карен Марі
Народжена вогнем

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Шевчук*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. В. Кузнецова*

Підписано до друку 10.10.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 23,52. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

МОНИНГ Карен Мари
Рожденная огнем

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Шевчук*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Е. В. Кузнецова*

Подписано в печать 10.10.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Стародавня стіна між людським світом і світом Фейрі зруйнована, тканина Всесвіту пошкоджена. Наша земля на межі зникнення. Порятунком — у давно втраченій Пісні творіння. Але пошуки Пісні небезпечні та складні. На вулицях Дубліна триває справжня війна світів, у центрі якої — Мак, її друзі та коханий. Дівчині доведеться віч-на-віч зустрітися зі старими страхами, за давним злом, зрадою і всепереможною силою кохання. Чи стане Мак сил позбутися влади *Синсар Дабх* — Книги вічності? І чи зможе вона врятувати все дороге їй, не втративши власного життя?

Монинг К.-М.

М77 *Рожденная огнем* : роман / Карен Мари Монинг ; пер. с англ. Т. Ивановой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 448 с.

ISBN 978-617-12-4190-9

ISBN 978-0-3853-4442-5 (англ.)

Древняя стена между человеческим миром и миром Фейри разрушена, ткань Вселенной повреждена. Наша земля на грани исчезновения. Спасение — в давно утерянной Песни творения. Но поиски Песни опасны и непросты. На улицах Дублина идет настоящая война миров, в центре которой — Мак, ее друзья и возлюбленный. Девушке предстоит лицом к лицу встретиться со старыми страхами, древним злом, предательством и всепобеждающей силой любви. Удастся ли Мак избавиться от власти *Синсар Дабх* — Книги вечности? И сможет ли она спасти все, что ей дорого, не лишившись собственной жизни?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)